

Ли Синиан и Фан Дайчуань снова поднялись на третий этаж.

Прошлой ночью они слышали крик Ян Сон и в спешке сбежали с третьего этажа. Они обнаружили, что сын Ниу Синьян сгорел, а потом их настигла череда беспорядков. Люди умирали один за другим и больше не поднимались. Третий этаж все еще выглядит так же, как они его покинули. На этот раз двое прошли прямо в маленькую черную комнату, сложили разбросанные документы, упаковали их в мешки и запечатали. Тело Пивного Живота тоже оттащили вниз и закопали обратно в яму.

На третьем этаже есть еще несколько комнат.

Фан Дайчуань полюбопытствовал. Завтра седьмой день, кто-нибудь придет за ним. В любом случае, это дело почти закончено, естественно, у него появятся другие мысли.

"Давай откроем еще одну дверь и посмотрим", - сказал Фан Дайчуань, - "Чэнь Хуэй права, мы все еще не знаем, где босс находится за кулисами, поэтому нам следует искать подсказки, так мы не будем слишком пассивными".

Ли Синиан кивнул, нашел шило, проволоку или что-то еще и долго возился с этим. С отверткой во рту, правой рукой он просунул карточку в щель двери, ослабил винт и напрямую открыл дверной замок.

Двое настежь распахнули дверь.

Комната на третьем этаже довольно просторная, выходит на юг, с хорошим освещением и вентиляцией, она в два раза меньше, чем зал внизу. Фан Дайчуань зажег свечу и стал наблюдать, похоже, в окне было небольшое отверстие, так как в комнате чувствовался легкий запах морского бриза. Вокруг стены стояла мебель, покрытая слоем белой ткани.

Фан Дайчуань подошел к углу и снял белую ткань.

Это картина.

Мужчина был привязан на скале у моря, цепи сковывали его конечности, стая птиц парила в небе, каждая птица, как темная тень, жаждала поглотить его плоть. Его грудь была разрезана пополам, обнажая кроваво-красные внутренности, атмосфера очень мрачная.

"Что это?" Фан Дайчуань нахмурился, протянул руку и коснулся холста. Тот, кто рисовал это, вероятно, торопился и не дал краске достаточно времени, чтобы высохнуть, на полотне есть небольшие разводы и следы от кисти.

Ли Синиан стоял позади него и изучал картину: "Связанный Прометей".

Это была копия знаменитой картины, подумал про себя Фан Дайчуань. Ему вдруг вспомнилось "Пшеничное поле с воронами", которое он видел в комнате Ниу Синьян. Возможно ли, что босс нарисовал ее? Это большая работа, подумал он, поднес подсвечник близко к холсту, внимательно разглядывая подпись на нем.

В углу стоит неприметная подпись, подпись написана скорописью чернильной ручкой, с одним словом - Вечность.

Вечность? Фан Дайчуань мысленно произнес это слово, вспоминая тот небольшой объем английской лексики, который он выучил в университете.

Если он правильно помнил, это было религиозное слово, означающее вечность?

Фан Дайчуань не мог этого понять.

Он поднял белую ткань одну за другой, под покрывалом оказались картины, десятки картин, некоторые из которых Фан Дайчуань знал, некоторые не знал, некоторые копии, а некоторые картины этого острова. Изредка попадались картины на религиозную тему, например, Дева Мария с любовью смотрит на мир или греческая богиня держит кувшин, купаясь в лучах солнца, люди чувствовали себя немного спокойнее.

По какой-то причине Фан Дайчуань почувствовал себя неуютно.

"Какой жалкий человек", - подумал он и прямо сказал.

Ли Синиан смотрел на статую Богородицы, когда услышал эти слова: "Что ты говоришь?".

Искусство и эстетическая оценка - обязательный курс для директора, и понимание Ли Синианом этих картин должно быть гораздо более точным, чем его собственное. Фан Дайчуань почувствовал, что выпендривается в присутствии эксперта, и смущенно сказал: "Я не знаю оценки, я просто думаю, что этот человек должен быть довольно подавлен, в его сердце много конфликтов, и он совсем не счастлив."

"Он просит о помощи..." Фан Дайчуань внимательно рассматривал картину, напряженно хмурясь.

Ли Синиан рассматривал ее по порядку, от первой до последней. Понаблюдав некоторое время, он улыбнулся и покачал головой. Неизвестно, был ли он не согласен с точкой зрения Фан Дайчуаня или действительно не видел ее.

"Мяу~"

Из-за занавески донесся тихий крик.

Фан Дайчуань пришел в себя, открыл шторы, на эркере стоял черный кот и вылизывал правую лапу.

"Это ты?" удивленно спросил Фан Дайчуань, - "Где ты был все эти дни? Ты ел?"

Конечно, кот не мог говорить. Черный кот проигнорировал Фан Дайчуаня и подбежал к ногам Ли Синиана, потираясь шеей о ноги.

Ли Синиан присел на корточки и осторожно почесал пальцами шею черного кота. Кошка потянулась, издала мурлыкающий звук и перевернулась на живот, который оказался белым.

"Иди гуляй, не играй здесь". сказал Ли Синиан, махая рукой, чтобы прогнать кошку.

Маленький черный кот действительно понял, шаг за шагом вернулся к подоконнику, дважды мяукнул, а затем вылез из окна.

"Он действительно слушает тебя..." Фан Дайчуань что-то почувствовал, но не понял, что именно.

Вторая комната была пуста, за исключением круглого стола в центре, на котором лежало перо. Фан Дайчуань поднял его и осмотрел. Это была та же модель, что и его собственная. Похоже, в этой комнате волки обсуждали свою стратегию и собирались посреди ночи.

Третья комната полна записей.

Это не те, что на кассетах и компакт-дисках. Это виниловая пластинка. Это черный диск определенной толщины, с цветными кольцами, вставленными в середину. Он правильно расположен на деревянной раме, которая заполняет комнату.

В углу стоит граммофон.

"Это хорошо", - Ли Синиан шагнул вперед и коснулся деревянного ящика с граммофоном, - "Перенеси его вниз, давай поставим его в нашу комнату".

Граммoфон был очень тяжелым, Фан Дайчуань закрыл крышку, осторожно поднял его и спросил, "Но на вилле нет электричества?".

"Это старомодный игольчатый граммофон, с ручным приводом", - Ли Синиан указал на ручку рядом с коробкой, - "Подожди, пока я выберу диск".

Ты определенно умеешь наслаждаться жизнью, - тихо сказал Фан Дайчуань в своем сердце, - благородный молодой господин".

Спустившись вниз, Ли Синиан взял бутылку вина, а Фан Дайчуань пошел в ванную, чтобы принять душ.

Вода в водонагревателе полностью исчезла. Он прождал долгое время без единой капли воды. Вдвоем они вытащили труп, от которого исходил гнилостный запах, а также зашли в несколько пыльных комнат. Они были грязными и вонючими. Фан Дайчуань не мог так спать.

Он надел тапочки, открыл дверь, высунул голову и спросил Ли Синиана, что делать.

Ли Синиан выглянул в окно и улыбнулся ему.

Приморский край.

Луна тусклая, небо усыпано звездами.

Стоя без рубашки в морской воде по пояс, кожа Ли Синиана была такой белой, что его мышцы отражали свет туманной луны и звезд над головой. Марля на его левом плече уже наполовину намочена от воды, из нее сочилось немного крови, и он был похож на великолепного призрака, который высасывает дух у людей.

Фан Дайчуань сидел на рифе и ногой стряхивал на него пригоршни воды.

Ли Синиан был весь в брызгах и смотрел на него, подняв брови. На его щеках выступили капли воды, а в глазах отразилась улыбка, Фан Дайчуань закрыл лицо и в сердцах выругался: "Твою мать".

На днях, когда он принимал ванну, грудь Ли Синиана была полна пузырьков от геля для душа. Фан Дайчуань был занят своими мыслями, поэтому не стал присматриваться. Теперь он получил полный обзор спереди и сзади. Узкий ряд татуировок на талии Ли Синиана, который как раз располагался у края трусов, пересекал аккуратно расположенный пресс и слегка выступающую паховую кость, а сбоку от талии была нарисована русалочья линия.

Не могу видеть, не могу видеть. Фан Дайчуань сделал несколько глубоких вдохов, на них обоих было только нижнее белье, если бы он хоть как-то отреагировал, другая сторона смогла бы увидеть это с первого взгляда. Это было бы слишком неловко.

Так он думал, но огонь в его сердце разгорался все жарче и жарче.

Не позорься. Приняв ванну, Ли Синиан вытерся футболкой и оделся. Фан Дайчуань не стал

надевать футболку, а просто надел джинсы и шел позади него. Ощущение мокрого белья, прилипшего к коже, в сочетании с грубыми джинсами вызывало неприятные ощущения.

Первое, что сделал Фан Дайчуань, когда вернулся в комнату, это взял новую пару нижнего белья. Ли Синиан стоял спиной к нему, возился с граммофоном, покручивая ручку. Фан Дайчуань некоторое время колебался с нижним бельем. Ему казалось, что раз уж они поцеловались и обнялись, то если ему придется идти в ванную менять белье, это будет выглядеть немного лицемерно, и он чувствовал себя виноватым.

Размышляя таким образом, он встал рядом с кроватью и, стиснув зубы, снял брюки.

Позади него зазвучала мелодия трубы и фортепиано.

Фан Дайчуань поспешно надел новые трусы и обернулся.

Ли Синиан стоял перед окном со сложенными руками и с интересом смотрел на него.

Грубый мужской голос медленно лился из рук граммофона, звук был неприятным, хриплым и густым, но странным образом он проникал в сердце.

"Эта музыка..." Фан Дайчуань обычно слушает много популярных песен, но с этой песней он не знаком. Он просто осторожно сказал, основываясь на небольшом впечатлении: "Это очень похоже на стиль из фильма "Ла-Ла Ленд".

Ли Синиан удивленно щелкнул пальцами и похвалил: "Хорошая догадка, - это джаз. Луи Армстронг, "Огненный поцелуй".

Он сказал и медленно запел в такт.

С тех пор, как я впервые поцеловал тебя, мое сердце было твоим полностью.

Если я раб, то я хочу быть рабом.

Голос Ли Синиана очень приятный, со стандартным молодежным тембром, когда он смеется, он становится немного низким. Когда он поет на английском, его произношение четкое, а дыхание мягкое, что совершенно не похоже на то, когда он говорит на мандаринском.

Очень чувственный.

Фан Дайчуань почувствовал мурашки по коже.

Он тихонько хмыкнул: "Не жалею меня, не жалею меня".

-- Не жалею меня, не жалею меня.

Он напевал и шел к кровати, Фан Дайчуань возвращался без рубашки, его джинсы все еще были расстегнуты, прикрытые лишь двумя тонкими кусками ткани. Ли Синиан, напротив, был полностью одет, капли воды с его волос падали на футболку, быстро впитываясь в хлопок.

Фан Дайчуань тяжело сглотнул, его глаза мерцали.

Ли Синиан наклонился к его уху, в его голосе звучал глубокий смех.

Дай мне свои губы, губы, которые ты позволяешь мне одалживать.

Люби меня сегодня, а завтра пусть дьявол забирает.

Я знаю, что должен получить твой поцелуй, хотя он обрекает меня на гибель.

Хоть он и пожирает меня, твой огненный поцелуй.

Фан Дайчуань не мог больше терпеть, он задрал рубашку Ли Синиана и сказал низким голосом: "Как пожелаешь". Затем он открыл рот и поцеловал его.

Пластинка продолжала самозабвенно петь.

Я касаюсь твоих губ, и сразу искры летят.

Эти дьявольские губы, которые так хорошо знают искусство лжи.

И хотя я вижу опасность, все равно пламя разгорается все сильнее.

Я знаю, что должен отдаться твоему огненному поцелую.

Щеки Фан Дайчуаня пылали, звук поцелуя смешивался с мягким звуком трубы. Фан Дайчуань слегка прикусил язык Ли Синиана и услышал в ушах смех Ли Синиана, смешанный с густым носовым голосом, который был безнадежно сексуальным. Оба тяжело дышали, и Фан Дайчуань мельком увидел груди друг друга, пылающие от вожделения.

"Подожди..." Ли Синиан глубоко вздохнул, улыбнулся и отстранился. Фан Дайчуань недовольно потирал шею, уголки его рта были полны воды.

Ли Синиан протянул руку и потрогал слюну в углу рта, задыхаясь и улыбаясь: "Я должен тебе кое в чем признаться".

Пластинка закончила играть, и рычаг с тихим щелчком вернулся на место.

Фан Дайчуань поднял голову, его взгляд был отчаянным и жаждущим: "Это срочно, мы не можем поговорить утром?" Он нежно терся о талию и промежность другого мужчины, терся о грубую джинсовую ткань через тонкую ткань, горячую и прохладную.

"Это не срочно... Речь идет о моей первой любви..." Ли Синиан намеренно удлинил свой голос.

Фан Дайчуань зарычал и бросился на большую кровать позади него, подхватил его на руки и колени, яростно укусил его за шею и жестко сказал: "Говори сейчас же! Объясни мне!"

Во время этого действия их кожа прилипла друг к другу, и оба чувствовали температуру тела друг друга. Глаза Ли Синиана на мгновение потемнели.

<http://bllate.org/book/16082/1438704>